

**Муниципальный этап всероссийской олимпиады школьников по
литературе
2022-2023 учебный год
10 класс
Максимальный балл – 95**

*Дорогой любитель литературы!
Желаем тебе успеха!*

1. Аналитическое задание

Максимальный балл – 70

Выберите один из предложенных вариантов задания и выполните целостный анализ текста – прозаического или поэтического (по выбору).

В качестве помощи вам предложены сжато сформулированные направления для размышления, которые носят рекомендательный характер; их назначение – лишь в том, чтобы направить внимание на существенные особенности проблематики и поэтики текста.

Анализ прозаического текста

Выполните целостный анализ текста С. Николаенко «Одинокие времена». Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): раскрытие темы времени, переплетение темы времени с темой детства, образная система, знаковые детали, структура повествования.

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Николаенко Саша

Одинокие времена

Все кончается из-за времени, только что три пломбирных шарика было у меня в вазочке, стало два, стал один. И клубника кончилась, клубника «сошла», клубники больше не будет в этом году. Никогда.

Мама, приезжая на дачу, снимает часы, оставляет на столе в горнице, и они лежат, тихо тикают, слышно только если к уху их приложить — ти-тик... ти-тик... Золотые тонкие стрелочки пожирают родные минуточки, выходные, неумолимо крутятся к вечеру воскресенья. Им-то все равно, этим стрелочкам, понедельник или суббота. Мама заходит в горницу, сбрасывает «шкурку лягушки» — треники с майкой, мама преображается, влезает в джинсы, в городскую желтую кофту, застегивает часы и увозит счастливое время. Наступают одинокие времена.

Одинокие времена с бабушкой горе такое скучное и огромное... Поэтому однажды, вечером воскресенья, пока мама еще в саду, я переставляю часы назад, как в мультфильме про Настеньку с Чудищем, но оказывается, чудище сами часы, из-за них кончаются выходные, оседает песочная куча, прокисает компот, из-за них когда-нибудь случится что-то очень плохое с нашим дачным домиком, верандой и горницей, нашей беседкой, садом, бабушкой, мамой, папой и флоксами, моим «Школьником», моей Пузей, именно из-за них. Может быть, их разбить? Разбить-закопать?

Часы бабушки идут медленно, дождь и дождь, вы когда-нибудь наблюдали из окна горницы, как по капельке капают часы бабушки в понедельник? Скорость их одна капля в час по стеклу, две по подоконнику с козырька, так до самого вечера, от утра и до вечера, от вечера до утра, а как мама приехала, то уже уезжает. Время это что-то хитрое, точно вам говорю.

«Передаем сигналы точного времени. Начало шестого сигнала соответствует пятнадцати часам московского времени: Пи-пи-пи...»

«Московское время пятнадцать часов. В Ереване, Ульяновске, Волгограде шестнадцать..., в Хабаровске двадцать два, в Магадане двадцать три, в Петропавловске-на-Камчатке полночь».

И это точное время?!

Флоксы за окном опадают медленнее, чем в вазочке, значит, время идет по-разному в горнице и в саду. И чем дольше я буду сидеть в сарае как мышь, притворяться, что не слышу, как меня зовут ужинать, тем больше будет сердиться бабушка в своем времени, а я буду наслаждаться в своем...

«Саша, ужинать!»

«Ни-за-что...»

И вернуться туда, где просыпаешься, зная, сейчас что-то будет... нет, уже есть. Там, за стенкой горницы, на веранде, венчик сам взбивает омлет, ковшик наливает воду, чайник кипит, в занавеске муха гудит, летающие тарелки садятся на скатерть, гренки сами переворачиваются в чугунной сковородке. Бабушка — дирижер утреннего оркестра. И пока она думает, что ты спишь, прокрадешься тихонько к двери, проверить, распахнешь — никого... Гречка булькает, радио говорит, веник, вздрогнув, замер на месте.

Вечер поздний. Идем закрывать калитку. Закрывать на щеколду, крючок, амбарный замок, от всех тех, кому ничего не стоит перемахнуть наш заборишко, тех, кто проползает подземными тропами, пролетает на стрекоучих крыльях, проходит сквозь... наползает от дальнего леса туманами... Тех, которые давно уже здесь... Вон они... И моим последним словом на этой земле будет «мама!»

Тени выпрыгивают со всех сторон темноты навстречу фонарику, призрак бабушки черным медведищем пробирается впереди меня по траве... облаков отражения плывут по залитой лунным светом лужайке, неслышные рыбы в молочном пруду дневного забвения, вот он, вечный покой, где никто не пожирает друг друга, царство теней. Здесь все только превращаются, беззвучно и безболезненно. Лунный сок стекает по листьям, в сети веток белые мотыльки, темнота баюкает мошек в своих паутинах, вечный покой вещей, обернувшихся привиденьями, на косматых чудовищах яблонях лунные яблоки, серебряные спицы велосипеда... Ветер чуть колеблет шапки цветов, сладкий воздух фиалок и лилий, дурман полевых цветов, и все дальше и дальше бесконечной тропинкой этого сна голоса, лай собак, бренчанье посуды... Воздух здесь отравлен сладким ядом за вечерья, ночного великого таинства, терпким медом летнего морока, мир забвения, дикий виноград вплетается в волосы, по шее бегают паучки, трава прорастает меж пальцами, жасмин кладет на плечи свои белые руки и душит.

Дача призраков, ведения тишины, и мгновенно летящие на свет костра мотыльки переходят границу, вспышка за вспышкой. И вдруг, всей силой живого, живущего, ощутишь ту безжалостную равнодушную силу, что превращает всё ослепительное, счастливое, неистоцимо любимое, полное запасов всяких проделок, идей, улыбок, царапин и синяков, в эти бессильные равнодушные тени правды о вечности, вопреки торжественному ночному безмолвию веруя, что алмазы, над ним так щедро рассыпанные, тоже кем-то, для кого-то начерченный путь. Сидишь и пальцем соединяешь в надышанном чайным паром окне Марс, Венеру и Альтаир.

И тряхнув головой, громко шлепая лапами, побежит, деловито обнюхивая каждую метину бесконечности, Яшка, песик мой радостный, снова став живым, а не вечным псом.

Сумерки синие, так тепло... флоксы похожи на разноцветные облака, и до дальней калитки провожает нас сладкий запах жареных гренок с веранды, плывет, говорит — «не ходите, не уходите, приходите скорей...», но Анька отодвигает щеколду, и мы пошли!

Ступени вверх, глубокий овраг, расплавленное солнце стекает по листьям, разбитыми стеклышками пляшет на далекой еще воде, а по небу плывет себе в облаке месяц Июль, летний свет малиновый, черносмородинный, сосновый, березовый, бесконечно конечный. Позади зажигается абажур террасы, зажигается и медленно гаснет. Теперь до него еще дальше. Настолько, что некуда возвращаться. Настолько, что он не горит.

Чем так больно, так полынно, так остро, безвозвратно так пахнет воскресшее в Царствии твоем обезлюдевшем, Господи? В твоем странном, таинственном мире, букашковым закалитье, заовражье, где кроты с землеройками прорывают подземные ходы, а между белых струпьев седеющей бересты, свитков мха, деловито спешат муравьи, даже завидно, как деловито! и тля прожигает ветки медовой пижмы, лопаются беззвучно паучья пряжа, так жутко приликая к лицу, и мурашки ползут по спине, и плывут по каналу дикие яблоки, все надкусаны, а калина ягода горькая, каждый раз. Чем так пахнет в земном твоем садике поднебесном, Господи? Расставаньем?

Солнце только покажется и растает в бездонной луже, а в ней, мимо лупо-глазой морды лягушки, вместо мошек да комаров пролетают стремительно птичьи отражения, самолет оставляет в луже меловый след...

«Внимание-внимание! Объявляем последние новости! Гигантская жаба в деревне Старбеево проглотила самолет со всем экипажем и пассажирами, летевший маршрутом Старбеево — Адлер!» Бермудский треугольник Старбеево, в котором пропало без вести наше детство.

И кто только не водится в наших Бермудах... рыбы бездонные глинные молчаливые, мы расставили в луже сети на них, ускользящих невидимых неведомых рыб, сети из бабушкиной авоськи, может, хоть одна попадется... Водомерки бегают, измеряют неизмеримое, бесконечен глиняный берег, в обе стороны ходи и ходи, нет конца... Вдоль забора дачного, по каемочке, мимо лужи шествует караван гусей, и вся гордость и кусачая подлость их вверх тормашками в нашей луже.

Дождь кончился! Распахиваются двери, соседи выходят в сады. Солнце! И с облепихи летят оранжевые капли, кап-кап, кап-кап... и дядя Володя стучит на заднем дворе топором.

И мы идем по дорожке, вдоль зеленого откоса реки, мимо остатков пароходной пристани, дамбы, издалика похожей на покосившуюся сказочную башню с выбитыми стеклами бойниц, в которых будет гореть пожарное солнце, вспыхивая то слева, то справа осколками битого стекла, и мимо нас, опережая нас, проплывет в сторону моря трехпалубный «Горький», и с него нам будут махать, и дети будут звонить нам в спины, и когда мы, оглянувшись, отступим, чтобы пропустить их, они пролетят, весело подпрыгивая, мимо нас, на своих дребезжащих великах, и, устав идти, мы искупаемся еще и еще раз, и будем лежать, раскинув руки в траве, а по рукам будут ползать всякие кусачие мураши, щекотаться травинки, солнце будет светить, и мы в нем исчезнем. Мы растворимся.

Стемнеет, и дальний берег, и трава, и вся эта глубинная мелюзга в ней вдруг застынет, точно приглядываясь, прислушиваясь недоверчиво к нам: мы ли они? они ли мы? Но после привыкнет, как огромный ночной кот, моргнет зелеными глазами фонарей-маяков, и опять заворочается застрекочет... и к вечеру мы прилетим к открытой веранде, где под оранжевым абажуром с кисточками будут виться стайки таких же, как мы, ночных мотыльков, какие всегда ночами летят на свет открытых веранд своего непроходящего детства.

Анализ поэтического текста

Выполните целостный анализ произведения Риммы Казаковой. При анализе примите во внимание следующие особенности его содержания и формы: приемы создания художественного пространства; изменения лирического субъекта (почему автор изменяет формы первого лица?); строфическая организация текста, особенности рифмовки, роль повторов и окказионализмов (индивидуально-авторских неологизмов, созданных поэтом). Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Римма Казакова

Самолёты

Сколько их над планетой? Бессчетно.

И над тропиками, и над полюсом...

Но ни бога нет и ни черта,
и поэтому чуточку боязно.

Я сажусь в самолет,
я приятелям
так машу, чтобы видеть могли.
И эпоха моя термоядерная
отнимает меня у земли.

Отрывается тяжесть от тела.
Трепещу. Вспоминаю Антея.
Где вы, травки, козявки-милашки?
По спине пробегают мурашки!

Мы летаем,
Мы руки сплетаем.
С отвращеньем бифштекс уплетаем,
когда стрелка — тысчонок за пять...
Мы летаем. Таблетки глотаем...
Мы летаем.
Мы все отметаем.
На опасных высотах плутаем...
И когда не летаем —
летаем.
Потому что нельзя не летать.

Да, нельзя!
И пускай я, как девочка,
разреветься готова от страха,
я сама — самолет, самоделочка,
самокрылочка, певчая птаха.

Так хожу вот — по кромке, по краю.
Только верю еще в чудеса.
Только держат пока небеса.
Еще в эту игру поиграю!

Потому что моторы рокочут
и пространство прорезано трассами.
Потому что мне крылья щекочет
солнце, в небе особенно красное.

И наматываются обороты
на спидометры длиннорукие...
Самолеты мои, самолеты!

Очень крепкие.

Очень хрупкие.

1980

2. Творческое задание

Максимальный балл – 25

Кто не любит путешествовать? Литературные персонажи не исключение. Герои русской и зарубежной литературы часто отправляются в путь пешком или в карете, в вагоне поезда или в каюте корабля. Они могут странствовать по экзотическим или даже сказочным пространствам, а могут скитаться по дорогам, городам и весям родной страны. В путь они отправляются как по собственной воле (других посмотреть, себя показать, запастись новыми впечатлениями, завязать новые знакомства, убежать от скуки), так и под властью обстоятельств (по долгу службы, в поисках лучшей доли, в погоне за кем-то или чем-то, скрываясь от кого-то и т.п.). Одни путешествуют как туристы, другие как беглые преступники, авантюристы или бесприютные скитальцы. Кто-то странствует в одиночку, а кто-то в компании слуги, компаньона или целой группы попутчиков. В мировой литературе сложилась мощная традиция романов-путешествий, «романов большой дороги», путевых записок и травелогов, хотя путешествовать могут и герои социально-психологических, семейных, философских, исторических романов, драм, поэм, новелл, повестей и т.д.

Задание:

1. Перед Вами дорожный чемодан (саквояж, котомка, рюкзак и т.д.) одного (или нескольких) из героев русской литературы 19 века. По содержимому **опознайте героя** (или группу персонажей), назовите его (их) имя (отчество и фамилию, если они есть), род занятий, жанр, название произведения и фамилию, имя и отчество его автора (объем – одно предложение).

2. Обзорно **опишите маршрут** его (их) странствий (назовите начальный, конечный пункты пути, промежуточные остановки), укажите транспортное средство, с помощью которого перемещается герой (возможно, несколько героев), цель (или цели), причины, мотивы путешествия, его спутников (если они есть). Объем текста – один абзац.

3. От лица этого героя (героев) **составьте путевую заметку** (главу травелога, запись в дорожном дневнике), в которой опишите один день его путешествия, сохраняя особенности речи и образа мыслей героя, не отклоняясь от сюжета книги (любой домысел будет считаться фактической ошибкой), но передавая его собственную точку зрения на события и впечатления от пережитого (увиденного) и учитывая особенности жанра (путевой заметки, травелога, дорожного дневника). Заметка должна иметь выразительное, яркое и содержательное **название** (объем заметки – 4-5 абзацев).

Содержимое чемодана (саквояжа, котомки, рюкзака и т.д.): скатерть-самобранка; ведро водки; мужицкий армяк; онучи и липовые лапти.